Девятый месяц 1547 года по континентальному календарю — Ван, столица княжества Амидония.

Город Ван, столица княжества Амидония, был окружен высокими замковыми стенами, и его архитектура была лишена стилистических излишеств или украшений. Выражаясь мягко, его можно было бы назвать строгим и суровым. Выражаясь более честно, он был скучным и однообразным. Суровый пейзаж этого города очень напоминали людей, населявших его.

Эта страна, потерявшая часть земель в войне с Эльфриденом в годы царствования короля два поколения назад, сделала идею возмездия Королевству своей национальной политикой. То, что они ценили превыше всего — воинский дух. От своих людей они требовали жизни без излишеств. От своих женщин они требовали услужливости своим мужчинам и благопристойности. Из-за этого на улицах нельзя было увидеть ни мужчин, ни женщин, разгуливающих в модных нарядах.

Такова была суть «тихого города» Ван, но с недавних пор в нем ощущалась атмосфера предвкушения чего-то хорошего. Это началось, когда в соседней стране, вражеском Королевстве Эльфриден, внезапно сменился король.

В 1547 году по континентальному календарю король Альберт Эльфриден отрекся от престола.

Альберт, теперь уже бывший король, был посредственной личностью, но благодаря своему мягкому характеру он пользовался уважением своих вассалов и народа. Однако и из-за этой мягкости он не проводил решительной политики, которая могла бы искоренить коррупцию среди испорченных дворян. Благодаря этому и множеству других, наложившихся друг на друга причин, Королевство постепенно приходило в упадок.

Но недавно Альберт внезапно передал свой трон герою, как заявлялось, вызванному из другого мира.

Героя, очевидно, звали Сома Казуя.

В то же самое время, когда Альберт передал трон Соме, он также устроил помолвку своей единственной дочери Лисии с новым королем, тем самым обеспечив легальность власти Сомы. Этот Сома, которому был передан трон, еще не был официально коронован, но он был, по сути, королем и приступил к ряду политических реформ.

В результате внезапной смены короля поначалу не мало людей подозревали узурпацию власти, но, при поддержке Лисии, он значительно улучшил эффективность работы государственных служащих, собрал новый талантливый персонал, облегчил проблему нехватки продовольствия и развил внутреннюю транспортную сеть для увеличения товарооборота. Благодаря целеустремленной реализации этих политик и многим другим мерам, Сома получил поддержку народа. Возможно, как герой он был довольно невзрачен, но как король — великолепен. Таково было мнение народа о нем.

Однако, правление Сомы не было гладким во всех отношениях.

Во-первых, три герцога, контролировавшие сухопутные силы, военно-воздушные силы и флот Эльфридена (кроме них существовала еще и другая сила, запретная армия, которая служила непосредственно королю), все еще не присягнули на верность Соме.

Зверочеловек-лев, генерал сухопутных сил — Георг Кармин.

Мизучи (морской змей), адмирал флота — Эксель Уолтер.

Драконит, генерал ВВС — Кастор Варгас.

С момента передачи трона Соме, эти трое отвели свои армии на подконтрольные им территории.

Все это происходило в другой стране и их истинные намерения оставались неизвестными для жителей Амидонии, но в любом случае было ясно, что их отношения с Сомой были весьма напряженными. В частности, ходили слухи, что генерал армии Георг Кармине собирал силы, чтобы выступить против Сомы.

Кроме того, дворяне, привлеченные Сомой к ответственности за коррупцию, так же выступали против него.

Лица, совершившие серьезные правонарушения, были лишены своих титулов, земли и имущества. Совершившие особо тяжкие преступления, подлежали тюремному заключению или иным видам наказания.

Коррумпированные дворяне были недовольны этим, попытались забрать свои сбережения и бежать из страны. Однако границы уже были закрыты, и, не имея другой альтернативы, они собрались под крылом Георга Кармина, который открыто выступал против Сомы.

Таким образом, когда раздор между Сомой и тремя герцогами подошел к апогею, граждане Амидонии были в приподнятом настроении. Ходили вполне правдоподобные слухи, что король Сома начал собирать войска, чтобы подчинить себе трех герцогов, которые не хотели отступать от своих мятежных позиций. Королевство переживало конфликт между королем и его вассалами.

В этой ситуации у княжества Амидония потекли слюнки. Это выглядело как беспрецедентный шанс реализовать свою национальную доктрину, «вернуть нашу украденную землю» и «отомстить этому Королевству».

Из-за этого, не только солдаты, но и простые граждане в большинстве своем единодушно заявляли: «Сейчас самое время напасть на Королевство!»

В этом милитаристском государстве армия стояла на первом месте, а жизнь народа — на втором. Главный приоритет распределения бюджетных средств отдавался военным, что негативно влияло на жизнь «гражданских». Конечно, общественность должна была быть недовольна этим, но людей учили, что «все наши страдания — вина Королевства Эльфриден, которое украло нашу землю».

Вместо того чтобы направить свой гнев на политиков или армию, они направили его на Эльфриден. Неважно, какие проблемы испытывали люди, неурожай или очередное повышение налогов — виновато в этом всегда было Королевство. С точки зрения государственного деятеля, не может быть более идеальной ситуации.

Более того, за верой в то, что «это Королевство ответственно за нашу трудную жизнь», естественно, следовала вера в то, что «наша жизнь станет лучше, если мы победим Королевство». Именно поэтому, получив эту, казалось бы, идеальную возможность, набирала популярность идея вторжения в Эльфриден.

Получив этот импульс, смелые слова можно было услышать на каждом углу улицы.

— Наконец-то пришло время сражаться с этим королевством!

— Вот именно! Мы больше не будем тянуть время!

— Храбрый и мужественный Лорд Гай никогда не проиграет этому щенку!

— Война, значит…

В то время как многие люди рвались в бой, были также те, кто чувствовал сомнения по поводу грядущей войны. Они боялись, что они сами, их дома или их семьи могут пострадать от этого.

Однако, сейчас общественное мнение в этой стране не позволит им озвучить эти опасения. У них не было другого выбора, кроме как подавить свою тревогу и плыть по течению.

Один человек молча наблюдал за людьми из тени переулка.

Этот человек был одет в плащ цвета охры, а капюшон полностью закрывал его голову, так что невозможно было разглядеть выражение его лица. Тем не менее, можно было заметить хрупкое телосложение и небольшой рост — 161 сантиметр. Человек вздохнул, увидев, как ведут себя жители города, и быстрым шагом удалился.

Человек направлялся к магазину. Судя по товарам в витрине, здесь продавали мужскую одежду. Вывеска на фасаде гласила: «Серебряный олень».

Человек вошел в лавку и откинул капюшон, явив миру прическу «хвостики». Под капюшоном скрывалось прелестное личико юной девушки.

Из глубины магазина вышел мужчина средних лет с седеющими волосами, одетый как бармен. Человек обладал манерами джентльмена, и, увидев молодую девушку, он приветствовал ее словами:

— С возвращением! Что думаете, Леди Ророа? Как настроения в городе?

— Без вариантов, Себастьян… это ужасно, — ответила девушка.

К владельцу этого магазина на торговом сленге (Кансайский диалект[]И вот здесь начинается сложность, так как этот «диалект торговцев» в английском переводе весьма примечателен и интересно отражает ее характер, так что переводить ее обычными фразами = убрать часть ее индивидуальности. Весь вопрос — как ее перевести, пока будет такой стиль, иногда будут встречаться просторечные слова. Сейчас — не особенно заметно, так как достаточно серьезная тема разговора. Был соблазн сделать «одесский говорок», но кому-нибудь это может прийтись не по нраву.) обратилась Ророа Амидония, первая принцесса Амидонии.

— Многие с вожделением ждут войны, — продолжала она. — Они думают, что Король Сома слишком молод и не сможет разрулить ситуацию. Они даже не допускают мысли, что мой старик может проиграть.

— В конце концов, лорд Гай силен и мужествен, — сказал владелец магазина.

— Он просто выглядит крутым, вот и все. Даже если он действительно силен, это всего лишь один человек.

Несмотря на то, что они были отцом и дочерью, Ророа была беспощадна в своей критике. Между Ророой, с ее экономическим чутьем и желанием использовать деньги для восстановления страны, и милитаристом Гаем, вкладывающим все средства в армию, существовала непреодолимая пропасть в их образе мыслей.

Печально было видеть такую пропасть между родителями и детьми, но Ророа, как первая принцесса этой страны, не могла просто смириться с этим фактом. Как человек, обладающий властью над другими, она должна была подготовиться к любым неожиданностям.

Возможно, чтобы поддержать разговор, Себастьян спросил:

— Ну, Леди Ророа, как Вы воспринимаете характер этого Сомы?

— Не знаю. Что я слышу — так это не его личные достижения, а достижения его подчиненных. Потому его так трудно понять. Значиться, делаем вывод — он действительно похож на короля,

который умеет слушать своих вассалов.

С этими словами Ророа уперла руки в бока и грустно вздохнула.

— Опасно начинать войну с кем-то, кого не можешь понять. Не суть важно, что король и три герцога не ладят друг с другом. Будь то территория, или влияние, или население — Эльфриден превосходит нас во всем. И это если не вспоминать о количестве солдат, которых они могут выставить, тогда вообще печальная картина. У нас есть много полезных ископаемых, поэтому качество нашего снаряжения хорошее, но… вот, пожалуй, и все, что у нас есть.

Когда Ророа дала эту пессимистическую оценку, Себастьян спросил:

— …Леди Ророа, вы верите, что наша страна проиграет?

— Я же сказала, не знаю, — ответила она, — Война — не по моей части. И все же я точно знаю, что, если мы проиграем — будет очень плохо. Мы должны беспокоиться не только о королевстве. Эта дурацкая теократия на Севере, Лунарское Православное Папское Государство, на юге Республика Тургис, жадная до любой возможности продвинуться на север. У нас есть союз с Государством Наемников Зем на Западе, но что-то я сомневаюсь, что они окажут нам большую помощь, если мы начнем проигрывать по всем фронтам.

Лунарское Православное Папское Государство было центром Лунарского Православия, религии, которая была одной из двух крупнейших религий этого континента, вместе с Культом Матери-Дракона. Эта страна управлялась Лунарианским Православным Папой, обладавшим одновременно светской и религиозной властью, и их система ценностей заметно отличалась от других стран. В Княжестве Амидония было много последователей Лунарского Православия, и при удачном стечении обстоятельств Лунарское Православное Папское Государство могло спровоцировать революцию в Амидонии.

Республика Тургис на юге была зависима от своего холодного климата. В течение долгой зимы их земли были погребены под снегом, а моря скованны льдом. Из-за этого в поисках незамерзшей земли и теплых водных портов они всегда внимательно следили за севером в поисках любой возможности для расширения.

Государство Наемников Зем было уникальной страной. Они придерживались вечного нейтралитета, но получали взаимные гарантии безопасности, посылая своих наемников в каждую страну. Они послали наемников и в княжество, как и в прочие страны, но… наемников интересовали лишь деньги. Если их наниматель когда-нибудь окажется в невыгодном положении, то неизвестно, насколько серьезно они отнесутся к этой войне.

Если случится худшее и они проиграют, как отреагируют эти три страны?

Вот что беспокоило Ророа.

— Сейчас в этой стране распространены плохие, рискованные настроения, — вздохнула Ророа. — Никто не думает о том, что будет, если мы проиграем. Хотя в худшем случае на нас могут напасть сразу трое наших соседей.

Ненадолго задумавшись, она сказала:

— Именно поэтому я и собираюсь сделать то, что собираюсь. Даже если это означает разрыв с моим стариком, я должна быть готова, если все пойдет наперекосяк…

Сказав это, она широко улыбнулась Себастьяну.

— Такие дела, Себастьян. Выручишь девочку, агась?

— …Полагаю, мне придется это сделать, не так ли? — Себастьян пожал плечами, словно стараясь придать своему голосу надменный вид. Именно так он и выглядел, но он уже решил последовать за этой девушкой. Иногда поступки Ророа выдавали ее юность, но она обладала определенным обаянием, притягивавшим к ней людей.

«Иногда я сожалею, что она родилась женщиной…» подумал он.

Если бы Ророа смогла занять трон, возможно, эта страна стала бы лучшим местом для жизни? Себастьян не мог не думать об этом.

Что же касается самой Ророа, то она уже начала думать о следующей задаче.

— Ну, теперь, когда мы более-менее определились с направлением, у нас все еще не хватает рук, — сказала она, — я бы хотела потратить немного больше времени на поиск союзников, я думаю.

— …И вы положили глаз на кого-то конкретного? — Спросил Себастьян, почувствовав что-то в манере Ророа говорить, и она озорно рассмеялась в ответ.

Несколько дней спустя…

В своем замке в столице княжества, Ване, суверенный правитель Амидонии Гай VIII, собрал в зале для аудиенций главных военачальников этой страны. Гай поднялся с трона, обращаясь к собравшимся.

— Время пришло! Собираем наши силы на южной границе с Эльфриденом!

Это была декларация начала войны с Королевством Эльфриден.

Гай получил донесение, что пропасть между Сумой Казуей и одним из трех герцогов, Георгом Кармином, стала непреодолимой и что столкновение между ними — лишь вопрос времени. Очень скоро королевство погрузится в хаос. И в этом хаосе они вернут себе земли, отнятые у них пятьдесят лет назад.

— Как только Георг поднимет восстание, мы начнем вторжение в Эльфриден! — объявил он. — Наша цель — плодородный регион на юге! Настало время вернуть земли, украденные у наших предков!

— Ура! — Собравшиеся командиры разразились радостными возгласами.

Наконец, пришло время отомстить Королевству за прошлые потери. Эти командиры, которые были военными до мозга костей, не могли не чувствовать, как кипит и бурлит в них кровь. В тоже время…

— Пожалуйста, подождите, ваше высочество!

…один человек выступил против, подойдя и преклонив колени перед своим повелителем.

Это был молодой министр финансов Гэтсби Колберт.

С его редким экономическим чутьем ему доверили пост министра финансов, несмотря на его относительно юный возраст — он был в середине второго десятка лет.

В то время как Ророа обладала талантом тратить деньги максимально эффективно, чтобы заставить экономику двигаться, Колберт занимался вопросами экономии и накоплений. Хотя у них были диаметрально-противоположные подходы, они отлично работали в паре, чтобы экономить там, где было можно экономить, и тратить там, где это было необходимо. Именно они удерживали экономику этой страны от падения в бездну.

— А, это ты, Колберт, — Гай строго посмотрел на него. Он был явно недоволен этим вмешательством.

Когда Гай, человек, которого даже генералы, пережившие много сражений, боялись рассердить, обратил свой взгляд на Колберта, простого бюрократа, последний задрожал. И все же он набрался храбрости, чтобы предложить говорить.

— Я говорю это со всем уважением, Сир, — выдавил он, — пожалуйста, подумайте о вторжении в Эльфриден! Народ нашей страны страдает от продовольственного кризиса и слабой экономики! Если мы сейчас начнем войну, наши люди начнут умирать от голода!

— Я это знаю, — отрезал король, — Вот почему захват плодородного региона так важен.

— Войны требуют огромных расходов со стороны государства! —протестовал Колберт. — Если у вас есть свободные деньги в бюджете, вы должны импортировать продукты питания из-за границы! Вместо того, чтобы вести войну, в которой мы не знаем, выиграем мы или проиграем, и которая, даже если мы победим, не дает нам гарантии, что наши усилия окупятся, разве это не то время, когда мы должны наращивать наши силы и…

— Молчать! — взревел Гай.

Он подошел к чиновнику и пнул его достаточно сильно, что бы тот отлетел в сторону.

— Ух…

Когда он посмотрел на распростертого на полу Колберта, на лице Гая отразилась ярость.

— Вы, гражданские чиновники и министры, всегда говорите одно и то же! Работа над внутренними делами, сейчас не время для этого — вот и все, что я от вас слышу! Посмотрите, к чему это привело! Больно осознавать то, как измучена наша страна! В отличие от нас, Королевство, несмотря на застой при болване, последнем короле, начало восстанавливаться с приходом на трон этого нового короля!

— Э-это потому… Что новый король, Сома, работает над обогащением своей страны…

— Ты все еще продолжаешь говорить?!

Гай снова пнул Колберта на пол.

Возможно, он прикусил язык, потому что из уголка губ Колберта текла кровь. И все же, он продолжал говорить.

— Ваше Высочество… Общая численность армии Амидонии составляет лишь половину армии Эльфридена. Это просто… слишком безрассудный план!

— Я знаю это и без того, чтобы какой-нибудь ничтожный чиновник говорил мне об этом! — взревел король. — Именно поэтому сейчас, когда король и три герцога конфликтуют, у нас есть такая возможность!

— Даже если так, неизвестно, как долго это продлится, — возразил Колберт.

— Бва-ха-ха! Не о чем беспокоиться! Георг Кармин начнет восстание. Этому молодому королевскому щенку будет нелегко подчинить его, я уверен. Гражданские войны тянутся очень долго. Все будет по-прежнему, даже если Георг проиграет. Если же мятежники добьются своего — страна не сможет остаться единой!

Колберт в отчаянии закусил губу. «Не потому ли Его Высочество так дерзко себя ведет?!»

Вероятно, именно Георг Кармин, прославленный и свирепый полководец, поднявшим флаг восстания против Сомы, подталкивал Гая к действию.

По правде говоря, не было никакой гарантии, что такая возможность когда-нибудь представится снова. Гай уже давно был не юношей, его возраст перевалил за пятьдесят. Он не мог позволить себе упустить такой идеальный шанс, особенно пока еще был в состоянии стоять во главе армии и отдавать приказы.

«Однако… Это слишком хорошо, чтобы быть правдой!» — Упрямо подумал Колберт.

— Пожалуйста, выслушайте меня, Ваше Высочество! — он взорвался. — Если вы вторгнетесь в Эльфриден, наша страна подвергнется критике со стороны всех остальных стран! Мы подписали имперскую Декларацию Об Общем Фронте Человечества Против Расы Демонов!

— …Декларация Человечества, да? — В первый раз за разговор у Гая был беспокойный взгляд.

Продвигаемая Империей Гран-Кэйос Декларация Единого Фронта Человечества Против Расы Демонов (также известная как Декларация Человечества) касалась декларации и вытекающего из нее международного договора, поддержанного самой большой и могущественной страной на континенте. В нем говорилось, что в свете расширения владений повелителя демонов все конфликты между людьми должны прекратиться. Чтобы помешать монстрам и демонам продвинуться дальше на юг, все человечество должно было работать как единое целое и сотрудничать.

Основные положения Декларации человечества были изложены в этих трех статьях:

Во-первых, не допускаются изменения границ человеческих стран вследствие военных действий между ними.

Во-вторых, должны соблюдаться права всех народов на равенство и самоопределение.

В-третьих, страны, находящиеся вдали от Владений Демонов, должны поддерживать страны, граничащие с Владениями.

Вторая статья была принята для защиты меньшинств в каждой стране. Учитывая, что насильственный захват территорий был недопустим, некоторые страны могут начать притеснять национальных меньшинств, с целью отобрать их богатства. Что бы не допустить подобного и была добавлена эта статья.

Кроме того, хотя это и не было прямо указано в тексте, если какая-либо страна нарушит хотя бы одну из трех статей — Империя, как лидер Декларации, вмешается военным путем.

Проще говоря, эта декларация человечества была договором о безопасности, в котором страны отказывались от возможности вторгаться в другие страны в обмен на защиту от Империи.

— Если мы вторгнемся в Эльфриден, — взмолился Колберт, — то, возможно, это вызовет вмешательство империи! Сир, умоляю Вас, пожалуйста, передумайте!

— Ах ты, шавка! — Гай положил руку на рукоять меча, висевшего у него на бедре.

Как раз в тот момент, когда все присутствующие были уверены, что этот человек сейчас умрет, кто-то проскользнул между Гаем и Колбертом.

— Сэр Колберт, об этом можно не беспокоиться, — тот, кто встал между ними, был наследный принц Юлий Амидония. Его холодные глаза, не выражавшие никаких эмоций, были устремлены на Колберта. — Причина этому в том, что Эльфриден не подписал декларацию человечества.

— Юлий… Господин, — сказал Колберт, — это довольно вольная трактовка Декларации! Мы подписали ее, встали под ее защиту, но в то же время нападаем на страну, которая ее еще не подписала! Если мы это сделаем, это будет словно мы бросаем грязь в лицо Империи!

— Однако в дипломатии важны только подписанные договоры, — холодно заметил Юлий. — Все это было вызвано упрямой глупостью Эльфридена, не поддержавшего возвышенные идеалы империи. Конечно, Империя не сможет винить нас в этой ситуации.

— Но…

— Довольно! — Гай убрал руку с рукояти меча и повернулся к собравшимся командирам. — Настоящим, я освобождаю Колберта от должности министра финансов.

— Сир! — Воскликнул Колберт.

— Колберт, я помещаю тебя под домашний арест на некоторое время, — отрезал король. — Ты будешь наблюдать со стороны. Смотри, как мы отвоевываем землю наших предков.

С этими словами Гай вывел своих командиров из зала аудиенций, даже не взглянув на Колберта. Колберт некоторое время стоял, закусив губу, но в конце концов в гневе ударил кулаком по ковру, поднялся на ноги и встал лицом к лицу с оставшимся позади Юлием.

— Юлий! Неужели это действительно… единственный путь?! — выкрикнул он.

Колберт говорил с Юлием немного свободнее, чем стоя перед Гаем. Отчасти потому, что они были примерно одного возраста, и несмотря на то, что занимали посты наследного принца и

вассала. Юлий и Колберт были достаточно близки, что бы их можно было назвать друзьями.

— Он прав, — холодно сказал Юлий Колберту, — такой шанс выпадает раз в жизни. Помимо Георга Кармина, есть много дворян, имеющие тайные связи с нашей страной. Если мы будем координировать наши действия с ними, то сможем отрезать себе немного земли на юге.

— Но если мы проиграем, это может означать гибель нашей страны, — сказал Колберт.

— Однако, с другой стороны, если мы упустим этот шанс, то, возможно, никогда не сможем вернуть свою территорию. Если, как ты сказал, новый король работает над обогащением своей страны, не означает ли это, что разрыв только увеличится, если мы упустим этот шанс?

Было ясно, что Юлий смотрит на ситуацию более спокойным, более рациональным взглядом, чем Гай. Но даже в этом случае его решение оставалось неизменным.

— Это давнее желание княжеского дома Амидонии — вернуть утраченные нами земли и отомстить. Нет, не только княжеский дом, но и солдаты, и народ придерживаются этого желания.

— Это…

«Это потому, что у них нет выбора!» Колберт хотел это сказать, но… это было бы слишком для простого вассала.

Когда Колберт опустил глаза, не находя слов, Юлий положил руку ему на плечо.

— Пожалуйста, пока помолчи, Колберт. Я очень высоко оцениваю твои способности. Ради себя самого, как того, кто когда-нибудь будет править этой страной, я не хотел бы потерять тебя из-за вспыльчивости отца.

— Юлий… — Колберт посмотрел на него пристальным взглядом, но Юлий не ответил ему взаимностью.

Несколько часов спустя, когда подавленный Колберт еле волочил ноги по коридорам княжеского замка, из-за одной из мраморных колонн высунулось очаровательное лицо молодой девушки.

— Приветик, мистер Колберт. Что за угрюмая маска на лице?

— Принцесса?! Хм, это, ну…

Из-за колонны вышла Ророа Амидония, первая принцесса этой страны. Колберт слегка запаниковал, когда понял, что позволил Ророа увидеть, как он чувствует себя подавленным.

Ророа с юных лет имела хорошее чутье в экономике, и по мере взросления она все чаще общалась с владельцами крупных предприятий и чиновниками Министерства финансов. Для Колберта, министра финансов, Ророа была единомышленником, который понимал все тонкости экономики. Кроме того, для него она была чем-то вроде беззащитной младшей сестры.

— Судя по состоянию твоей физиономии… ты пытался вразумить моего старика, не так ли? — Извиняющимся тоном спросила Ророа, глядя на синяки на лице Колберта.

— А? Ах, нет… Это, э-эм…

— Нечего это скрывать, — сказала она. — Извини за моего идиота отца. Божечки мои… Если он отталкивает вассалов, которые пытаются дать ему хороший совет, он ведет эту страну прямо по дороге к гибели. Честно, о чем он думает?

Ророа не стеснялась показывать, насколько она зла. Как бы то ни было, говорить такие вещи в этой стране можно было лишь перед друзьями, которые точно не предадут. Даже для принцессы. Особенно для принцессы. Колберт был рад, что Ророа так про него думает.

— Спасибо, принцесса, — сказал он. — Со мной все будет в порядке.

— Будет? Хорошо. Ну что ж, тогда приготовься.

— Да…? Приготовиться к чему?

Не в силах уследить за этим внезапным поворотом разговора, Колберт несколько раз моргнул.

— Старик просто дал тебе все свободное время в мире, так что тебе нечего делать, верно? — Ророа со смехом помахала ему рукой, — Ну, тогда, может быть, ты поможешь мне с тем, что я делаю. Я уже поговорила со всеми бюрократами, которые могли бы согласиться на это, но я все еще хотела бы привлечь больше людей в помощь, в конце концов.

— А? Эм, принцесса? И что же Вы собираетесь делать?

— Это очевидно, — сказала она. — Мы все вместе исчезнем. Себастьян продвигает проект вперед, ну а мы, думаю, поедем погостить к дяде Герману в Нельву.

— А? А-а-а?! — воскликнул он.

Ророа схватила его за рукав и быстро пошла прочь, волоча за собой Колберта.

Несколько дней спустя, когда Гай VIII и Юлий покинули Ван, произошел инцидент, в результате которого принцесса Ророа и несколько чиновников исчезли.

Этот инцидент должен был бы вызвать большой переполох, но Ророа искусно прикрыла его, и ни Гай, ни Юлий так и не заметили этого.

◇ ◇ ◇

Королевская столица Парнам, конец сентября 1547-го года по континентальному календарю, королевский дворце Королевства Эльфриден, замок Парнам.

В кабинете по правительственным делам я слушал доклады Пончо и Томоэ.

Для начала, я выслушал Пончо.

До недавнего времени он занимал пост Министра по Продовольственному Кризису, но теперь, когда этот вопрос был решен, я назначил его Министром Сельского И Лесного Хозяйства. В дополнение к сельскому, лесному хозяйствам и управлению военными продовольственными запасами, я также поручил ему руководить строительством террасных рисовых полей и другими проектами, которые позволят выращивать новые культуры в этой стране.

Кстати, причина, по которой он также не отвечал за рыболовство, заключалась в том, что эта страна не управляла правами на рыболовство. У различных рыбацких гильдий были свои зоны влияния, но все, что страна делала, это получала налоги от гильдий в обмен на защиту их прав.

В конце концов, я хочу создать что-то и в этой области, но, вероятно, придется подождать, пока я не получу флот под свой контроль. Для того, чтобы страна гарантировала права рыбаков, нам нужно было что-то вроде Агентства Морской Безопасности. Если мы попытаемся навязать рыбакам обязательства без какой-либо гарантии, они их просто проигнорируют.

Похоже, я отвлекся от темы, да?

— Как обстоят дела с поставками (военной провизией и кормом для лошадей), о которых я вас спрашивал? — задал я вопрос Пончо.

— С этим все хорошо. Каким-то образом мне удалось раздобыть их, однако… — Пончо говорил ужасно уклончиво, особенно учитывая заявление, что ему удалось подготовить припасы.

— Что-то случилось?

— Нет… Я просто беспокоился, верны ли эти цифры, — сказал Пончо, вытирая пот со лба. — Видите ли, запрошенный объем поставок вполне мог бы содержать Запретную Армию в течение месяца… Собрать их было нелегко, поэтому, если цифры были ошибочными, это будет означать, что мы понесли огромные потери, да.

О, это имело определенный смысл. Когда он посмотрел на количество солдат, которых я мог мобилизовать в настоящее время в Запретной Армии, он забеспокоился, что количество поставок было слишком велико. В конце концов, там было всего около 10 000 человек.

— Это не проблема, — сказал я. — Нам действительно нужны все эти припасы. На самом деле, можно даже сказать, что именно этот огромный запас припасов решит, выиграем мы или проиграем.

— Д-даже так? — он запнулся. — …Хорошо, что в этом году у нас был такой обильный урожай. Если бы вы спросили меня в прошлом году или раньше, я бы не смог собрать такое количество.

— Да. Хотя это плод упорного труда каждого. Конечно, не преуменьшает твоих заслуг, Пончо.

— В-вы слишком добры, да! — Пончо, смущенный неожиданной похвалой, выпрямился так прямо, что казалось, он вот-вот согнется назад.

Я криво усмехнулась его поведению, затем перевел взгляд на Томоэ.

— Как дела с твоей стороны, Томоэ?

— В-верно. Думаю, у меня есть еще пять ринозавров, которые нам помогут.

Поскольку Томоэ обладала даром говорить с животными и монстрами, я поручил ей «завербовать» нескольких гигантских ящериц, ринозавров, как те, которых мы использовали во время нашей миссии оказания помощи Защищенному Божеством Лесу.

Их возможности по перевозке грузов, как я убедился во время строительства дороги, были поистине удивительны. Я хотел увеличить их число, приписанное к Запретной армии, но поскольку они были дикими животными, требовалось довольно много времени, чтобы приручить ринозавра. В то же время, если мы попытаемся использовать их без обстоятельной тренировки, и, если случится что-то непредвиденное и они взбесятся, эти огромные «звери» причинят колоссальный ущерб всем, кто окажется у них на пути.

Решение этой проблемы стало работой для Томоэ, которая могла понимать языки всех живых существ. Томоэ могла выслушивать просьбы ринозавров.

Интересный факт: похоже, что ринозавры были не были такими уж умными (возможно, на том же уровне, что и стегозавры, у которых мозг был размером с грецкий орех?), поэтому их

просьбы обычно сводились к «вкусной еде» и «месту для безопасного размножения».

Для решения этой проблемы я создал в королевстве заповедник ринозавров, но это была небольшая цена за дальнее, высокоскоростное средство передвижения, примерно эквивалентное поезду, верное и не требующее обучения.

— Да, способности м-мадам Томоэ поистине невероятны, — сказал Пончо.

— Это точно, — согласился я. — Я рад, что смог взять ее под свою защиту до того, как она попала в руки какой-то другой страны.

— Т-ты мне льстишь. — Томоэ покраснела и смущенно опустила глаза.

— Сома… — двери кабинета по правительственным делам открылись, и вошла Лисия.

«В выражении ее лица есть что-то тревожное», подумал я. «…Я немного волнуюсь».

— …Пончо, Томоэ, — сказал я. — Могу я попросить вас оставить нас на минутку одних?

— Д-Да, конечно, да.

— Х-хорошо, Старший Брат…

Поклонившись, они вышли из кабинета, оставив нас с Лисией наедине.

Какое-то время мы оба молчали, но потом я встал и подошел к кровати в углу. Затем, усевшись на кровать, я жестом пригласил Лисию подойти ко мне.

Лисия села рядом со мной, как я и просил. Я сидел на своей кровати, рядом со мной сидела красивая девушка, и все это должно было быть прекрасно, но атмосфера была тяжелой и гнетущей.

— …Ты пришла, потому что тебе нужно о чем-то поговорить, верно? — спросил я Лисию, не в силах больше выносить молчание.

Лисия, казалось, пришла в себя и начала говорить, медленно выговаривая слова.

— В замковом городке… Ходят слухи, что ты собираешь армию против трех герцогов.

Я ничего не ответил.

— Говорят, столкновение с Герцогом Кармином неизбежно. — Лисия повернулась ко мне лицом. Ее глаза дрожали от неуверенности.

…Я не мог винить ее за это. Для Лисии я был ее королем и женихом, в то время как генерал Георг Кармин был ее начальником во время службы в армии и человеком, которого она уважала. Если мы начнем противостояние, сердце Лисия будет разрываться между нами. Я знал, что в попытке предотвратить это, она послала немало писем Георгу, изолировавшемуся на своей территории, прося его встретиться со мной.

— Неужели… — она запнулась. — Неужели мы больше ничего не можем сделать?

Когда она спросила меня об этом своими дрожащими глазами, я хотел что-то сказать, но…

Не в силах подобрать нужные слова, я лишь молча кивнул.

Заметив мою реакцию, Лисия пробормотала:

— Верно… Конечно…

С этими словами она направила пустой взгляд прямо перед собой и опустила плечи.

Это было неприятно. Мне пришлось идти этим путем, несмотря на понимание, что это причинит боль Лисии. Это зашло так далеко, что ни Георг, ни я уже не могли отступить. В таком случае… По крайней мере…

— Лисия.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне о Георге Кармине.

— ?!

Лисия подняла голову и посмотрела на меня.

— …Почему именно сейчас, когда уже поздно что-то менять?

— Я хочу знать, что это за человек, с которым мне предстоит драться. Я никогда не встречал его, в конце концов.

Лисия на мгновение замолчала. Она казалась немного озадаченной, но в итоге начала говорить.

— Герцог Кармин… Георг Кармин — воин беспрецедентных способностей. Он крепкий зверочеловек с львиной головой, и, хотя у него есть немалые личные способности в бою, утверждают, что именно во главе армии он показывает свою истинную ценность. Он великий полководец, способный постоять за себя на поле боя, как в нападении, так и в защите. Когда он руководил арьергардом во время отступления армии под командованием предпоследнего короля, как я слышала, он смог забрать голову вражеского командира, даже несмотря на проигранную битву.

— Впечатляюще, хах… — сказал я.

Вы хорошо справились, если смогли просто свести потери своих войск к минимуму во время отступления, но успешно контратаковать врага — это было похоже на то, что сделал бы знаменитый генерал из периода Воюющих провинций. Это напомнило мне историю молодого Такэду Сингэна Харунобу: отступавшего последним, но в итоге вернувшегося к тому же замку, который основная армия не смогла взять осадой в течении месяца, когда основные силы защитников так же покинули его, и обезглавил коменданта крепости.

— Ты прав, это потрясающе, — сказала она. — У него были не только лидерские качества, чтобы поддерживать боевой дух побежденной армии, этот подвиг показал, что он может в кратчайшие сроки найти место для эффективной оборонительной засады и достойно встретить врага.

«В голосе Лисии звучала легкая гордость. Она действительно… действительно уважала его».

— Когда мой отец взошел на трон, эта страна только что преобразилась и расширилась, — продолжала она. — С моим отцом, который был, к лучшему или к худшему, ничем не примечательным королем, мы должны были бы стать легкой мишенью для соседей.

— Ты весьма сурова к нему, хотя он твой родной отец, — заметила я.

— Ну, это горькая правда… Впрочем, худшее так и не произошло. Поскольку Герцог Кармин всегда бдительно следил за западом — ни Амидония, ни Тургис не пытались поднять на нас руку. Несмотря на то, что он был величайшим воином своего поколения, у него не было амбиций, и он служил моему отцу верой и правдой… Нет, не так. Он делал это не столько ради моего отца, сколько из чистой любви к этой стране.

— Почему именно для этой страны?

— Разве ты не знаешь? В этом мире все еще есть страны, в которых процветает дискриминация. Сейчас Империя пытается поддерживать принципы расового равенства, но в некоторых регионах все еще существует дискриминация в отношении нелюдей. Есть также места, где все

наоборот; на северо-западе есть островная страна высших эльфов, которая продвигает политику превосходства их расы, и там уже на людей смотрят свысока.

Похоже, в этом мире тоже часто встречались проблемы такого рода.

— Но у нас в стране нет такой дискриминации, — продолжала она. — Даже если что-то похожее появляется — ему не дают развиться. С самого начала, вокруг Первого Короля собрались расы, отвергающие дискриминацию. Они объединились, чтобы эта страна процветала, чтобы им не пришлось жить под чьим-либо гнетом. Вот какая эта страна… и герцог Кармин любит ее больше всех.

Лисия на мгновение остановилась, прежде чем продолжить говорить.

— В личной жизни Герцог Кармин — человек благовоспитанный. У него были близкие отношения с моим отцом, больше, чем профессиональные, и он часто давал моему отцу советы. Они были друзьями с детства. Он даже заботился обо мне, как о собственной дочери. Что касается меня… Я любила герцога Кармина.

Я молчал.

— Когда я поступила в офицерскую академию, потому что хотела стать солдатом, он сначала был против. Он сказал, что это неподобающе для принцессы. Но, в конце концов, он позволил мне поступить по-своему. Заметь, как только я окончила Академию, я была направлена под его командование и занималась только поддержкой и воодушевлением войск.

Ну, да… Он не мог использовать принцессу, кровную родственницу короля, как одну из своих подчиненных. Даже Георгу, столь внушительному человеку, должно быть было нелегко справиться с мальчишеством Лисии.

— Значит, он тебе как второй отец, да?

Когда я это сказал, Лисия печально опустила голову.

— Да… Он был замечательным человеком. Так почему же он это сделал?..

Лисия хотела что-то сказать, но остановилась, покачав головой.

— Я не знаю точно, о чем думает Герцог Кармин… Но, возможно, он сделал это потому, что он — воин.

— Потому, что он — воин? — Спросил я.

— Герцогу Кармину уже за пятьдесят, — сказала она. — Срок жизни зверочеловека не отличается от человеческой. Если бы он был простым генералом, он бы продолжил служить и однажды вышел бы в отставку. Но как воин, он чувствует, как с возрастом становиться слабее, хуже. Думаю, возможно, именно поэтому он пытается сделать что-то большое и значимое для своей страны прямо сейчас.

— …Даже если его заклеймят предателем?

— Если он решил, что это принесет пользу нашей стране, Герцог Кармин сделает это.

В этих словах было столько доверия, что я невольно почувствовал укол зависти.

— Завтра… Я проведу совещание с тремя герцогами по вещательной сети.

В этой стране было четыре кристалла вещательной сети. Один был в распоряжении короля, три принадлежали трем герцогам. Используя эти кристаллы, мы могли бы провести что-то вроде видеоконференции. Там я поставлю окончательный ультиматум трем герцогам, что они должны подчиниться мне как мои вассалы. Мне придется сражаться с теми, кто откажется. Было неизвестно, что решат двое из них, в том, что Георг откажется, сомневаться не приходилось.

— Лисия, если для тебя это тяжело… — Начал я.

— Я буду присутствовать.

Она даже не позволила мне сказать, что ей это не обязательно делать.

Лисия печально улыбнулась.

— Я знаю. Герцог Кармин уже сделал свой выбор. Теперь он не может повернуть назад.

— Лисия…

— Я знаю это и хочу увидеть все до конца. Я хочу посмотреть, как этот человек распорядиться свой жизнью, — Лисия посмотрела мне прямо в глаза.

Действительно… Я не мог подобрать слов. Все, что я мог — крепко обнять ее за плечи. Когда я это сделал, я почувствовал, что она слегка дрожала.

Я положил голову Лисии себе на плечо.

Несмотря на то, что я был королем, я больше ничего не мог для нее сделать, и я злился на себя за это.

◇ ◇ ◇

В тот же день, в Городе Красного Дракона.

— Проклятие… Что, черт возьми, происходит?!

В Городе Красного Дракона, расположенном на севере королевства Эльфриден, командующий Военно-воздушными силами Кастор Варгас сидел за своим столом, обхватив голову руками.

Город Красного Дракона был центром герцогства Варгас, а в его центре возвышался замок Кастора.

Он был построен на небольшом возвышении на расчищенной части горы. Это могло бы показаться не самым лучшим местом для центра города, учитывая неудобства транспортировки товаров, но для герцогства Варгас, отвечавших за воздушные силы королевства, это было наилучшее решение, так как кроме боевых виверн они содержали транспортных.

Виверны могли перевозить столько же припасов, сколько канатная дорога, кроме того, были автобусоподобные транспортные средства, запряженные четырьмя вивернами, на которых можно было легко добраться из замка в город, так что труднодоступность места не имела большого значения.

Кроме того, поскольку замок генерала ВВС находился в Городе Красного Дракона, оборона города так же была укреплена.

Хотя это место уже делало замок похожим на неприступную гору, он также был окружен высокими стенами. В то время как горные склоны не подпускали тараны или лестницы, высокие стены защищали от любых атак пехоты или кавалерии.

Единственным эффективным средством нападения могла бы быть лишь атака с воздуха с помощью виверн, но это была прерогатива семьи Варгас, поэтому было справедливо назвать ее неприступной крепостью.

Более того, Кастор, нынешний правитель города, был превосходным полководцем. Он не был особенно хорош в хитросплетениях политических интриг, но раскрывал свой талант на поле боя. На протяжении ста лет он неизменно стоял во главе отрядов виверн, уничтожая врагов королевства.

Он действовал быстро, нередко слишком быстро, не успев все продумать, из-за чего допускал

ошибки, но его свободолюбивая натура, его горячая кровь и его невероятная сила придавали ему харизму, которая очаровывала его подчиненных. Возможно, проще будет понять, если сравнить его с Чжан Фэем в китайской истории или Масанори Фукусимой в японской истории.

Понимая свою слабость в этой области, он полностью передал управление городом своей жене Акселе, дочери Адмирала Уолтер, а также Толману, своему заместителю в военно-воздушных силах и управляющим его домом.

Нет ничего хорошего в посредственном управлении административными делами, так что люди поддерживали эту передачу обязанностей. Кастор знал, что суматоха поля боя подходит ему гораздо лучше, чем управление городом.

Но сейчас Кастор, плохо приспособленный к размышлениям, вынужден был ломать голову над вопросом, что же делать.

— Толман! Неужели герцог Кармин до сих пор ничего не ответил?! — воскликнул он.

— …Пока нет, — ответил стоявший напротив него человек в деловом костюме, стоял он, впрочем, по стойке смирно. Это был человек, которому было поручено административное управление Городом Красного Дракона, управляющий домом Варгаса, Толман.

— Завтра король объявит свой ультиматум! — Кастор хлопнул ладонями по столу. — Чего он добивается, не посылая нам никаких сообщений перед этим?!

Толман ничего не сказал.

Все говорили о противостоянии между новым королем и тремя герцогами, но это не означало, что все три герцога действительно желали этого противостояния. Генерал сухопутных сил Георг Кармин ясно выразил свое несогласие с королем, но Адмирал Флота Эксель Уолтер относился к борьбе с королем негативно. Наконец, Кастор… Он демонстрировал оппозиционное отношение к королю, но внутренне колебался.

Георг был его товарищем по оружию, и он уважал его как воина. Поскольку именно Георг первым поднял флаг восстания, Кастор предположил, что он имеет план победы над молодым королем, из-за чего Кастор отверг увещевания своей тещи, Эксель, и встал на сторону Георга. Иначе говоря, Кастор с подозрением отнесся к внезапной передаче престола, но хотел оставил конечное решение о противостоянии новому королю кому-то другому.

Одной из причин этого была подверженность эмоциям Кастора.

Драконитьі, как Кастор, жили дольше, чем люди или зверолюди. Скорость психологического развития, как правило, обратно пропорциональна продолжительности жизни расы. Из-за этого, хотя Кастор прожил более ста лет, его психологический возраст был около тридцати, и он

относился к пятидесятилетнему Георгу как к старшему.

Несмотря на то, что он послал Георгу несколько писем с вопросом, как они будут действовать дальше, он не получил никакого ответа.

— Что-то здесь не так! — Воскликнул Кастор. — Если бы он собирался подчиниться королю, то никогда бы не пошел против него. С другой стороны, если он намерен сражаться с королем, то должен отчаянно нуждаться в помощи наших военно-воздушных сил. Так почему же он нам ничего не говорит? Неужели он собирается сражаться с королем одной армией?

— Единственное, что приходит мне в голову… — сказал Толман, немного подумав, — Мог ли он «сойти с ума от амбиций», как предположила герцогиня Уолтер? Мастер, даже если вы не доверяете новому королю Соме, вы же не хотите навредить бывшему королю Альберту, его жене Элисии и даже принцессе Лисии, не так ли[]Да, раньше имя королевы перевели как «Элиша», но в одной из более поздних книг описывается, что Альберт назвал свою дочь в честь жены, убрав из ее имени первую букву.?

Навредить королевской семье.

Когда Толман произнес эти слова, Кастор громко сказал:

— Но Герцог Кармин сам сказал: «Как только король Сома будет смещен, я позабочусь, что бы король Альберт занял трон, и мы поддержим его».

— А что, если это ложь? Возможно, он и в самом деле хочет сам занять трон? Если это так, то вы с Герцогиней Уолтер наверняка станете первыми в списке его врагов. Готовясь к этому, не мог ли он попытаться уладить все своими силами, чтобы не дать вам двоим приобрести влияние после окончания войны? Чтобы он мог уничтожить оба ваших дома после войны?

— Это же абсурд! — вырвалось у Кастора. — Герцогу Кармину это и в голову не придет!

Кастор отрицал это, но, как и следовало ожидать от человека, которому доверили управлять его домом, Толман обладал способностью спокойно анализировать происходящее. К этому выводу Толман пришел, отбросив эмоции и глядя исключительно на выгоды вовлеченных лиц.

Однако, Кастор считал Георга другом и не мог принять этот аргумент.

— Нет воина, который заботился бы об этой стране больше, чем Герцог Кармин! — Запротестовал Кастор. — Он никогда не причинит вреда королевской семье…

— Однако разве не из-за своих сомнений в Герцоге Кармине герцогиня Уолтер держит с ним дистанцию? Это зашло так далеко, что она забрала с собой хозяйку и молодого господина Карла?

— …

Опасаясь, что жена Кастора Аксела и их младший сын Карл будут привлечены к коллективной ответственности, Эксель потребовала, чтобы он развелся с Акселой, и теперь она снова стала частью дома Уолтер. По крайней мере, они не будут втянуты в противостояние между Георгом и Сомой, которое, несомненно, произойдет. Это было небольшим утешением для Кастора.

— …Я просто не могу себе представить, чтобы герцог Кармин сошел с ума от амбиций. — сказал Кастор, опершись локтями на стол и закрыв глаза руками.

— Мастер… — Начал Толман.

— Прости, но не мог бы ты оставить меня ненадолго одного?

— …Как пожелаете.

Поклонившись, Толман вышел из кабинета.

Оставшись один в комнате, Кастор откинулся на спинку стула и уставился в потолок. Затем…

— Карла, — тихо сказал он. — Ты здесь, не так ли?

Окно позади Кастора открылось, и в комнату вошла красивая девушка с красными крыльями, рыжими волосами и смущенным выражением лица. Эта девушка, выглядевшая лет на восемнадцать, была единственной дочерью Кастора, Карлой. В отличие от ее женственной внешности, у нее было мужественный характер и достаточно боевого духа, чтобы командовать отрядом ВВС.

— Значит, ты меня заметил, — сказала она.

— Тебе нужно научиться лучше скрывать свое присутствие. Тебя выдал шорох крыльев, когда ты приземлился на балконе.

— Но это не значит, что ты чувствуешь мое присутствие. — Карла пожала плечами. Затем она вытащила из кармана пачку писем.

— Что у нас тут? — Кастор разговаривал с дочерью, так что говорил менее официально.

— Это от Лисии, — ответила она. — Она послала немало таких писем с просьбой поддержать мир с королем Сомой.

Карла считала Лисию своей подругой. Они познакомились после того, как Лисия пошла в армию. Поскольку обе были настроены серьезно и записались в армию несмотря на то, что были женщинами высокого происхождения, у них было много общего и они быстро подружились.

Впрочем, Карла была еще серьезнее, чем Лисия… или, выражаясь честнее, она была слишком упряма… Карла заподозрила принуждение в помолвке Лисии с королем Сомой и стала враждебно относиться к нему. Из-за этого, даже когда ее мать и брат уехали в дом Уолтер, она осталась здесь с отцом.

Однако, Карла уже не была столь сильно уверенна в своей правоте.

— Я чувствую в этих письмах Лисии настоящие эмоции. Принуждённый к нежеланной помолвке не сможет и не станет так писать. Кроме того, в своих письмах Лисия предупреждала: «Остерегайтесь Герцога Кармина, каким он стал сейчас.» …Возможно, мы ошиблись в своих суждениях.

— Понятно, — сказал Кастор. — Значит, принцесса Лисия чувствует то же самое?

Плечи Кастора поникли. Потом, словно обозначая свои мысли, он поднял голову.

— Карла… Еще не слишком поздно. Последуй примеру Акселы. Я чувствую, что должен присоединиться к Герцогу Кармину, но это должен быть только мой выбор.

Как отец, он, вероятно, не хотел втягивать ее в то, что делал из дружеских побуждений. Однако Карла покачала головой, уже приняв решение.

— Я не знаю, что я скажу Лисии при нашей следующей встрече. Кроме того, ты все еще веришь, что герцог Кармин продумал все это, не так ли, отец? В таком случае давай доведем нашу позицию до конца. Даже если герцог Кармин потерпит поражение, и мы станем предателями, если ты падешь вместе с ним, поверив в вашу дружбу, я сомневаюсь, что люди будут смеяться над тобой за это.

— Но… Тогда ты…

— Я родилась в семье военного, — сказала ему Карла. — Я готова. О, не волнуйся, у нас есть Карл, так что, по крайней мере, дом и наша родословная останутся. Вот почему, как члены Дома Варгаса, мы оставим после себя записи о выдающейся военной службе.

— …Понятно.

Увидев решимость Карлы, Кастор принял собственное решение. Он до конца верил в Георга Кармина и был готов на это пойти.

Так же, он не станет использовать подразделения ВВС, дислоцированные вокруг герцогства Варгас. Даже если он вступит в конфликт с королем после завтрашнего ультиматума, он будет сражаться только своими личными силами, находящимися в Городе Красного Дракона, и не будет втягивать в конфликт остальные воздушные силы.

◇ ◇ ◇

Ночью, в тот же день, в определенном месте.

— Понятно… Значит, эти двое решили сделать так.

Когда адмирал флота Эксель Уолтер узнала о решении Кастора и Карлы от шпионов, которых она послала в Город Красного Дракона, ее лицо омрачилось печалью.

Красавица с небольшими рожками, как у оленя, прожившая пять сотен лет, но выглядевшая не старше двадцати пяти, стояла у окна в своей темной комнате, глядя в ночное небо. Даже одежда, которую она носила, казалось, теперь давила на нее.

Сегодня ночью было облачно, и она почти не видела звезд.

— Кастор готов принести себя в жертву во имя дружбы с Георгом, — печально сказал Эксель. — И Карла готова следовать за ним до самого конца. Как бы глупо это не было, я не могу заставить себя полностью отрицать их выбор.

Эксель медленно закрыла глаза, поднеся руку к своей пышной груди, которая была видна даже сквозь ее похожий на кимоно наряд.

О чем она думала, узнав о решении своего зятя и внучки?

Через некоторое время она снова открыла глаза, повернулась спиной к окну и пошла прочь.

— Во всяком случае, это дает мне еще больше причин сделать то, что должно.

Даже если это означает перешагнуть через их решимость…

http://tl.rulate.ru/book/23030/1305165